

Непредсказуемость души

Увы, премьеры, этот всегдашний праздник театра и зрителей, заметно погускиели. Все меньше спрашивают лишние билеты, все реже заметно оживление у входа в некогда заветные залы. В чем причина?

Интересно посмотреть, как прививаются на нашей сцене постановки зарубежных авторов, порой откровенно коммерческие, подчас чисто развлекательные, иногда задуманные серьезно...

К примеру, в ЦТСа на спектакле «Условия диктует леди...» Э. Элвиса и Р. Риза — аншлаги. Его поставил А. Бурдонский, известный мастер развлекательного жанра, изпод режиссерского резца которого вышли «Последний пылко влюбленный» Н. Саймона, «Дама с камелиями» А. Дюма, «Шарады Бродвея» М. Орра и Р. Дэнэма и другие. Склонность к легкому направлению обнаружилась и теперь. Новый спектакль — романтический триллер (так определен его жанр в программах). Впрочем, аванс, данный любителям любовных драм и острых ощущений, не вполне оправдан, ибо присутствующая на сцене романтика весьма примитивна, а вызывать у зрителя возбуждение нервных эмоций, присущих жанру, авторы не потрудились.

Согласитесь: пьеса, где занимательная и таинственная интрига не разыгрывается на сцене, а по сути рассказывается героиней, к тому же рассчитанная всего на двух исполнителей, требует и тонкой, изобретательной режиссуры,

и умного сочетания естественности и театральности в игре актеров. Здесь же, увы, этого не получилось. Мы видим: заявленный романтический триллер не состоялся.

А вот Театр имени Моссовета обратился к творчеству серьезного, но долгое время как бы опального по идейным соображениям норвежского писателя и драматурга К. Гамсуна. В основу сценической композиции Ю. Еремина (он же постановщик) легли две части трилогии — «У врат царства» (так называется и спектакль) и «Вечерняя заря».

Обращение театра конца века нынешнего к философской теме исхода века прошлого — теме надежды на диктатора, сильного лидера — весьма актуально. Разве не прорываются и сегодня довольно внятно сквозь общую хвалу демократии мечты о хозяине, вожде?

Нет, авторы спектакля не строят на сцене модель общества, не проводят прямых аналогий — увы, они возникают сами, — но предлагают поразмышлять над судьбой Ивана Карено (Г. Тараторкин), переплетая в ней два главных пласта человеческой жизни — личный и общественный.

По сути это серьезная дра-

ма человека, всю жизнь защищавшего свои политические убеждения, упрямого, пожертвовавшего ради идеи любимой женой и теперь, в зрелые годы, становящегося отступником. Человека, которому суждено вечно стоять у врат царства, так никогда не становясь властелином даже собственных дум.

Но снова — увы! — заявка не оправдалась. Серьезно задуманный спектакль получил скучноватое, явно не современное сценическое воплощение.

Видимо, те же поиски созвучия драматургии с сегодняшним днем привели художественного руководителя Театра имени Вл. Маяковского к постановке пьесы польского драматурга С. Мрожека «Горбун». Название символично. Горбун мог бы быть слепым, глухим, рыжим — словом, не таким, как окружающие, инородцем. Встреча с жизненным явлением, выходящим за рамки привычного, раскрывает характеры действующих лиц. Горбун — владелец пансиона, чудесного розово-голубого домика, утопающего в благоухании зелени (скавозно талантливая сценография В. Мессерера), а его постояльцы — те люди, чьи характеры, словно лаковая бумажка, проявляет Горбун. Вернее, сам факт его существования. Но ироничные и несурзные опасения постояльцев, их ненавязчивый флирт и изыскан-

ные словесные перепалки — это один спектакль.

А другой начинается тогда, когда выясняется, что в стране, оказывается, вокруг идиллически покойного пансиона, совершается... политический переворот. Рассуждения героев о демократии — нашей, отвлеченной — отдают вяжущей рот оскоминой, напоминают о выступающем в качестве общественной трибуны театре прошлых лет. Развлекательный и очень даже виртуозный спектакль превращается в заунывный политический фарс.

И под занавес — удача. Кстати, тоже на зарубежном материале.

Новая сцена МХАТа им. А. П. Чехова. Властитель, поистине бенефисный спектакль Е. Васильевой «Игры женщин» К. Занусси (он же постановщик) и Э. Жебровского. Две маленькие истории о двух совсем разных женщинах, двух противоположных мирах...

Героиня Васильевой — Киновьева и старая Маркиза — две непредсказуемые души, заключенные в земные, телесные оболочки. Удивительно тонко балансируя на грани, разделяющей человеческую простоту, переходящую в заунывность и напыщенность, свойственную великим мира сего, актриса превращает своих героинь в загадочные и недоступные высшие существа, заставляет зазвучать, заискриться нехитрый сюжет, извлечь из него легкую, буд-

то воздушную мелодию — мелодию игры Женщины с жизнью...

Жан Ануй — философ и насмешник, нам знаком, пожалуй, меньше, чем Ануй — пацифист и борец («Антигона», «Жаворонок»). Поэтому его пьеса «Красивая жизнь», которую опять же на Новой сцене МХАТа имени А. П. Чехова поставил В. Ланской, в какой-то степени способна нас удивить. Ануй здесь поворачивается неожиданной стороной: пытается языком комедии-притчи осмыслить коллизии вселенского катаклизма.

Перед нами — абстрактная революция в неназванной стране. А конкретизация, как мы понимаем, здесь и не нужна: все они схожи, по поводу желания оголтелой толпы поругать созданное прежде, прибрать к рукам, что возможно. А кому, как не представителю именно «толпы», могла прийти в голову мысль открыть абсурдный музей для трудового народа? И вот семью аристократов превратили в дешевых фиглярлов, паясничавших перед толпой любопытных в уродливом паноптикуме, рожденном революцией. Но вопрос: достоин ли красивой жизни тот, кто способен превратить другого человека в шута, в обезьянку в клетке? Ответа спектакль не дает.

Итак, победы и неудачи... Нормальный творческий процесс.

Татьяна МИНАЕВА.